

ТАНЯ ТРУНЁВА

Ветер

Таня Трунёва
Ветер. Часть первая. Париж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202589

ISBN 9785448352652

Аннотация

Книга «Ветер», часть первая «Париж». Написана в жанре приключенческого романа. Захватывающая история жизни молодой женщины. Любовь, колдовство, трагедия, война, побег и новая страсть героини, встреченная на другом континенте. География событий – Сибирь, Центральная Россия, Чечня, Канада, Франция.

Содержание

Париж	5
Встреча	5
Сибирь	8
Сёстры	14
Бешень-трава	16
Коля	20
Перемены	24
Ариадна	28
Одноклассница	32
Побег	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ветер

Часть первая. Париж

Таня Трунёва

© Таня Трунёва, 2021

ISBN 978-5-4483-5265-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Париж

*И носило меня, как осенний листок.
Я менял имена, я менял города.
Надышался я пылью заморских дорог,
Где не пахли цветы, не блестела луна.
Е. Агранович*

Встреча

Поразительными сюрпризами балует нас жизнь, сталкивая с забытым прошлым или с бывшими друзьями. Часто их истории, скрываемые годами, выплёскиваются наружу, обдавая жаром приключений или холодом ужаса.

В тот весенний день я вышла пройтись по гудящей пёстрой толпой набережной. Ветер колыхал в воздухе речную сырость, разбавляя её сладковатым запахом цветущей магнолии. С утра меня не отпускало тревожное предчувствие и я решила погасить его в уединении. Каменные химеры с высоты стен собора Парижской Богоматери взглянули на меня с надменной гримасой. Я не спеша вошла в храм и присела на скамью, уплывая в потоке возвышенности и покоя.

Стук каблучков ворвался в мои мысли, и я краем глаза заметила изящную, со вкусом одетую женщину. Она опусти-

лась на скамью рядом. Сквозь гулкое пение органа прошелестел её голос: «И прости нам прегрешения наши, как мы прощаем должникам нашим...»

Русская речь слышна в Париже повсюду. Я с интересом наклонила голову, чтобы лучше разглядеть соседку. Молодая блондинка склонившись шептала молитву. Женщина вдруг резко повернулась, скользнув по моему лицу любопытным взглядом.

Горячая волна туго перехватила моё дыхание, и в голове мгновенно прозвучал голос школьной учительницы рисования: «Рисовать с натуры сложно, но нарисовать что-то по памяти ещё сложнее. Вот ты, Таня, посмотри внимательно на Катю и попробуй её нарисовать». Я тогда подвела к окну хрупкую девочку, мою соседку по парте, и в тусклых лучах зимнего сибирского солнца долго разглядывала задумчивое бледное лицо, обрамлённое тёмно-русскими завитками: нежная кожа, пухлые губы, не по-детски нахмуренные тёмные брови вразлёт и глаза... сверкающие, серо-голубые, как байкальская вода.

Затихающие аккорды органа торжественно вздохнули под куполом. Я выпрямилась, сдерживая дрожь изумления, и горячо шепнула:

– Катька?! Семёнова?

Блондинка передёрнула плечами, будто стряхивая смятение, затем внимательно огляделась. Собор, всегда полный туристов, был величаво одинок – лишь небольшие групп-

ки посетителей, занятых изучением витражей. Я взяла женщину за руку, почувствовав крепкие пальцы, привыкшие к охотничьему ружью. Её тёплая ладонь слилась с моей, прохладной от волнения. Мы вышли из собора на площадь Парви. Я заговорила первой:

– Катя! Помнишь меня? Мы учились в одном классе в Усолье.

Лицо одноклассницы мягко светлело, и разделявшие нас годы тонули в монотонном щебетании французской столицы.

– Ты ведь Катя Семёнова? Как ты оказалась здесь? Мы тебя считали пропавшей много лет назад.

– Я с дочкой приехала встретиться, – узнавая меня, сдержанно ответила она.

– Да, дочка. Что-то припоминаю... Да где ж ты теперь? Откуда приехала?

– Издалека...

Сибирь

Зима в тот год выдалась лютая, колючая. Застывшие груды снега, упираясь в окна, звенели на ветру рассыпающимися льдинками. В преддверии праздника весь охотничий посёлок, как водится, крепко «сидел на стакане». Над входом в больницу сквозь намёрзший на лампочки иней тускло мерцал плакат «С Новым, 1977 Годом!». Подвыпившая акушерка, накрывая Ольгу одеялом, засмеялась:

– Ну и угораздило же тебя в ночь под Новый год родить! Девка у тебя хорошая. Ты спи теперь, а мы догуливать пошли.

Через час Ольга проснулась от жгущей тяжести внизу живота. Попробовала встать, но не было сил. Кровь рубиновыми бусинками капала на пол. Ольга закричала, позвала на помощь – да слышны были только ружейные выстрелы за окном в честь праздника и трубивший басом ледяной ветер. А горячая выюга, пылая в Ольгином теле, уносила её дальше и дальше...

После похорон жены Григорий подался на песцовую ферму к матери, доброй, немногословной Степаниде; там же жила его сестра Вера. Добравшись до посёлка на попутке, скрепя унтами по утопанной снежной дорожке и разбавляя морозный воздух крепким перегаром, он заботливо нёс лёгкую ношу – завернутую в одеяло новорожденную дочку.

Ступив в узкие сени, Григорий тяжело вдохнул привычный запах квашеной капусты и кислого молока. Войдя в избу и протянув матери свёрток, прохрипел:

– На вот, мать, это теперь наше. Хотел пострелять всех фельшаров в больнице. Да что толку! А девку растить надо, она вся в нас – Семёновская.

Перекрестившись, Степанида приняла внучку и со вздохом спросила:

– Как назвал-то?

– Катериной, – крикнул Григорий.

– Царское имя, – всхлипнула Степанида. – Чего ж, царевна, тут теперь твой дом, а это сестра твоя, Светочка, – продолжила она, показывая малютке годовалую Верину дочку.

В далёкой таёжной глубинке проходило сиротское детство «лесной царевны». Работники песцовой фермы жили в посёлке из нескольких домов. Зимой их тесный мир уныло рисовался лишь чёрно-белыми линиями. К весне он вырастал, теплел серыми, голубыми, а после зелёными красками. Добротно сбитые из толстых брёвен дома пахли внутри таёжными ягодами, острыми соленьями, слобой и бражкой – домашним вином. В каждом дворе возвышался сарай для мелкого скота и уютная банька. Песцов держали в огромных клетках, где они, сытно накормленные, нагуливали серебристый нежный мех.

Маленькая Катя помогала бабе Стёпе и, несмотря на тяжёлый труд и мерзкий звериный дух фермы, научилась при-

мечать и наслаждаться всеми лесными радостями. Всё в этом царстве ей было знакомо: и радужно-хрустальный блеск таёжной зимы со звенящими от мороза ветвями сосен и кедров, и густо-зелёное чудо сибирского лета с дурманящим ароматом смолы и пушистого мха.

Юркая, гибкая, с нежным румянцем Катя напоминала цветок таёжного багульника, что вроде мал и неприметен, но так хорош своей необыкновенностью.

Когда ей исполнилось двенадцать, отец, ввалившись с мороза в избу, заявил:

– Катька! Завтра со мной на охоту пойдёшь.

– Не пушшу! Девка она и мала ишо! – запричитала Степанида.

– Ты, мать, муру-то не пори, – оборвал её Григорий. – Я с охотниками с восьмилетства. К этому занятию с детства привычка нужна. А что девка – да то лучше: у баб прицел острее. Ольга-то моя, царство ей небесное, соболя в глаз била.

Ледяным утром впервые почувствовала Катя вкус добычи. Ружьё казалось неподъёмным. Отец поучал, как с ним обращаться:

– Ты на ружо-то не дави – оно лёгкость любит, а мушку на вздохе бери. На выдохе тело завсегда слабеет – рука может дрогнуть. Зверью в морду целясь, а лучше – в глаз, чтоб мех не спортить.

Заметив на сосне белку, отец, сделав знак молчать, при-

жался к дочкиной щеке, поправил ствол и нажал на курок её пальцем. От выстрела ударило в плечо. Громко заколотилось сердце. И Катя увидела кувыркающуюся по веткам белку.

– Ну вот и почин, доча! – усмехнулся Григорий. – Беги! Принеси!

Дрожа всем телом, еле переступая одеревеневшими ногами, несла Катя окровавленную тушку белки, и слёзы, застывая, покрывали прозрачной коркой девчоночьи щёки.

– Так, – вздохнул отец, – ты эти бабские штуки забудь! – и хрипло продолжил: – На охоте жалостей нету. Наше дело от мучений зверьё избавить так, чтоб сразу... Потому выстрел метким должен быть, а добивать подранков – дело тошное. То зверьё, что охотникам на мушку попадается, оно ленивое или дурное. Умный зверь затылком всё чует и слышит. Этого не возьмёшь. Так что не жалея. Тут кто кого переумничит. А соболь зверь-то норовистый, потому и в неволе не живёт. Не то что песцы вонючие в клетках на нашей ферме. Их хоть голыми руками бери. Многое таёжное зверьё поумней человека будет. Охотнику звериные повадки знать надо, да и много всяких лесных причуд. Тайга тебя научит.

И тайга учила. Знойным летом она, как суровый учитель, хлестала Катькины щёки колючими ветками, когда та, пробираясь в зарослях, выслеживала зверя. В студёные зимние дни тайга заставляла пританцовывать в толстых валенках и вприпрыжку добираться до тайной охотничьей сторожки, где была спрятана от назойливых инспекторов пушнина

и разная охотничья утварь.

Про сторожку эту знали только свои. Отец её в овраге выкопал, а внутри выложил брёвнами. И тепло, и сухо. На полках – сухари, консервы, травы и корни, бабой Стёпой собранные, такие, что силу дают. Бабка, когда травы собирала, и Катю учила к чему какой корень и травка.

– Это вот красный корень, – показывала она внучке. – Пожуёшь – и целый день без воды и хлеба по тайге бегать можно. Никакая хворь не возьмёт. Пижма, подорожник... Это лист брусничный от простуды. А это, – Степанида вздохнула, – бешень-травка.

– Как это «бешень»? – удивлённо вскинула глаза Катька.

– А потому как мужик, если выпьет отвар той травы, заклинаниями наговорённый, то бесам отдастся, – прошептала баба Стёпа. – Тогда мужик, словно бешеный, сил не имеет устоять от бабьего тела и полюбит без ума ту, что рядом с ним окажется. Мала ты ишо. Ну а как придёт твоё время – лучше мужику душой пригляднётся, без бесовской помощи, потому как за колдовство всегда расплата есть.

Сёстры

Без материнской ласки охотница росла диковатой и замкнутой. Единственной своей подругой Катя считала Светку, двоюродную сестру. К ней она тянулась всей душой. Особенно сблизились сёстры, когда Катя, окончив в райцентре начальную школу, поехала учиться в школу-интернат, в Усолье-Сибирское. Там они со Светкой несколько лет прожили в одной комнате.

В день Катиного приезда Света, влетев с улицы, застала сестру за разборкой маленького чемодана с вещами. Старое габардиновое пальто ладно сидело на Светкином плотной фигуре. И вся она, сияющая и громкая, мгновенно наполнила резвым задором убогую, с шершавыми стенами, интернатскую комнату.

– Ой, что это? – весело зазвенела Света, показывая на картинки. Катя, разглаживая узкой рукой смятый глянец, старательно развешивала на стенах журнальные вырезки с видами диковинных пышных дворцов.

– Это Париж. Это Эйфелева башня, тут – собор Парижской Богородицы, Монмартр. Я про всё это читала и книжки привезла: «Три мушкетёра», «Отверженные», «Королева Марго». Так интересно! И всё про Францию!

– Да ты серьёзная! Как взрослая! – вздохнула Светка. – А я вот люблю легенды. Про разных богов. Как сказки.

Хохотушка и непоседа, Светка всегда была в центре внимания, пела и танцевала. Неусидчивая, она с трудом закончила восьмилетку и тут же побежала на курсы барменов и официантов.

«Кать, ты башковитая, – внушала она Катерине. – В институт тебе надо. Нелю помнишь? К бабе Стёпе приезжала. Мы её просто Нелей звали. Она в Иркутске на геолога учится. Тебе уже семнадцатый год. Попросись к ним подработать на лето. Среди умных людей покрутишься, подскажут чего».

Бешень-трава

И действительно, летом Катю взяли в геологическую экспедицию. Встретив приехавшую племянницу, Неля по-дружески распорядилась: «Со мной в палатке будешь. Она трёхместная, большая. Жених мой скоро придет, мы с ним на одном факультете. Пока вместе не живём: у меня родители строгие. Свадьба в октябре. Тогда и начнём новую жизнь».

Геологические будни были Катьке привычны: тайга, скромная пища, из развлечений только рассказы о приключениях в походах, шутки да песни у костра. У начальника партии было ружьё, и охотница на радость геологам постреливала дичь, угощая всех свежей зайчатиной. А вечерами, наполняя тайгу гулким звоном, Катя развлекала народ меткой стрельбой по банкам.

Охотница не ожидала, что скоро услышит иной, новый звон во всём своём теле: пение нахлынувших чувств. Её, таёжную царевну, знающую все шорохи и дыхания лесные, осторожную и ловкую, ждало неизведанное...

Коля приехал под вечер на попутке. Неля с радостным криком бросилась ему на шею. Она каждому представила своего жениха с особой гордостью. Катя приблизилась к высокому темноволосому парню и мгновенно провалилась в непонятную тревогу. С первого дружеского пожатия она

знала, что теперь в её жизни всё станет по-другому. Катя не умела это объяснить. Она не понимала, как справиться с горячей волной, врывающейся в дыхание, когда Колин взгляд останавливался на её лице. Не могла Катя победить в себе и гнетущее беспокойство, мучительно сознавая, что этот парень принадлежит другой.

Как-то вечером, сидя у костра и разглядывая звёздное небо, вспомнили о примете с падающей звездой загадывать желание. Вскоре все разошлись по палаткам, и Николай, оказавшись с Катей наедине, спросил:

– Ну, а у тебя желание-то есть? Мечты? Ты не говори, если секрет.

Катя подёрнула плечами.

– В Париже хочу побывать. Я про этот город много читала. Хочу сама увидеть, так ли там всё, как в книгах написано.

Коля с улыбкой прошёлся по струнам гитары:

– Ты что, мой друг, свистишь? Мешает жить Париж? Ты посмотри, вокруг тебя тайга, ла-ла-ла-ла... В Париж? Желание хорошее. Только девчонки, ровесницы твои, другие мечты лелеют: о любви и за хорошего парня замуж выйти.

Колины глаза весело блестели. Из догорающего костра брызгали искры, тёмно-голубое небо перемигивалось с редкими лесными светлячками. В траве шуршала засыпающая таёжная жизнь. Катя, наслаждаясь привычными шорохами и запахами, светилась тайной радостью, её брошенные украдкой взгляды осторожно ласкали Колино загорелое ли-

цо.

– Тот, кого люблю, жениться собирается, поэтому в мечтах только Париж остался, – вдруг неожиданно для себя выпалила Катька, оборвав разговор.

Особой болью была та ночь, когда Катю разбудил лёгкий шорох:

– Да спит она! Иди сюда, милый! – Нелин голос шелестел в темноте. – Тесно тут в спальнике, иди на пол.

В Катин сон ворвалось частое дыхание и причмокивающий звук долгих поцелуев, переходящих в постанывания. Приподняв голову, в бледном свете луны, падающем сквозь узкое окно палатки, Катя увидела очертания совершенно раздетой парочки, лежащей на войлоке между раскладушками. Когда глаза привыкли к тусклому свету, Катя разглядела сплетённые в объятиях руки и раскинутые ноги, и услышала то замирающее, то догоняющее шумное дыхание. Вскоре палатка наполнилась запахом разгорячённых тел и каким-то странным волнующим сладковато-кислым ароматом.

Катька лежала, как скованная, пылая от непонятого возбуждения. Колины, белеющие в сумраке, голые плечи были так близко, что она едва сдерживала желание коснуться их.

Остаток ночи Катька прометалась как в бреду, а на рассвете бросилась в лес, чтобы вволю наплакаться. Она зарылась в густую траву, рыдая. Внезапно кудрявый лист шершаво уткнулся в её щёку. Бешень-травка. Вспомнились рассказы бабы Стёпы. «Расти-расти, травка! – всхлипывая, прошеп-

тала Катя. – В конце лета я тебя сорву. Ты будешь мой, Коленька! Хоть с бесами – да будешь, иначе не вынести мне этой боли!»

Отгорело сибирское лето, отшуршала и осень. Живой, хрустящий воздух зимы принёс новые заботы жирного и пушистого охотничьего сезона. Но каждый вечер, засыпая, Катя вспоминала летние вечера и любимого. Это наваждение ловким зверем всюду ступало по её следу.

Однажды на каникулах январским утром краснощёкая Светка, покрытая морозной пылью, ввалилась в избу бабы Стёпы с посылкой в руках.

– Вот! Неля с Колей из Иркутска прислали. С Новым годом поздравляют. Конфеты, всякое тут... И письмо тоже. Неля в командировку в Новосибирск уезжает, на две недели.

Слушая Светкину болтовню, Катя вспыхнула дерзкой мыслью: «Один он, один в городе! Моё время настало!»

– Я в Иркутск собираюсь пока каникулы. Узнаю всё про институт. Может, книги какие куплю, – выдохнула она тихо. – Бабуль, хочешь чего-нибудь передать?

Вечером, взглянув на небо, Катя обомлела: полная луна огромным шаром заглядывала в окно. Вот она судьба! Самое время сейчас... Достав спрятанный мешочек с сухой травой, Катя быстро вскипятила воду. Пузырьки варева танцевали в такт её шёпоту: «Нигде бы ты меня не забывал, Коленька, в еде не заедал, в питье не запивал, во сне не засыпал...»

Коля

– О! Катюха! Какими судьбами?

Коля приветливо встретил Катюку на пороге.

– А Неля-то в Новосибирске! Ну я найду, чем тебя угостить. Проходи.

– Я вот приехала в институт зайти. Посмотреть что и как, – как бы оправдываясь, объяснила Катя.

Она, оглядываясь, зашла в двухкомнатную хрущёвку, погрузившись в декорации жизни своего любимого. Всё здесь ей казалось уникальным, освящённым его прикосновениями. И скромный коричневый диван, и торшер, и полки с книгами, и в беспорядке лежащие образцы минералов. В коридоре, снимая пальто, Катя взяла с вешалки Колин шарф, прижала его к лицу, до головокружения упиваясь волнующим запахом.

Они накрыли стол вдвоём, так естественно болтая и расставляя посуду. Катя, досадуя, не могла избавиться от мысли, как было бы здорово вот так быть с ним каждый вечер, окунаясь в тёплое счастье. Видеть его, просто чувствовать рядом. Поставив на стол привезённые таёжные соленья, Катя открыла плоскую бутылку.

– А это что?

Коля раскладывал еду по тарелкам.

– Это? – Катюка замялась. – Да... баба Стёпа настойку

приготовила. Зимой она хороша. Попробуй вот.

Она налила полный стакан, и Коля выпил, похвалив удивительный вкус.

Засиделись допоздна. Николай рассказывал весёлые истории о прошлой студенческой жизни. Катя, даже кожей вдыхая его запах, млела от Колиного голоса. Ей казалось, что каждая её клетка отзывается манящим пением, которое она девочкой слышала в тайге. Тогда, вздрогнув от трубного крика сохатого, она с удивлением взглянула на отца и услышала его ответ: «Это он самку зовёт. Тоскует. Гон у них...»

– Я тебе в спальне постелю, а сам тут, в зале.

Коля разложил диван и пожелал спокойной ночи.

Катя разделась, ощупывая своё пылающее тело и шепча, как в бреду: «Забыть, забыть! Он со мной как с ребёнком! А ведь всего на шесть лет старше. Вырвать его надо из сердца, как колючий сорняк!»

Она долго смотрела в темноту. Часы на стене показали полночь. Терзаемая и желанием, и страхом, она решительно встала: «Уеду! Прямо сейчас уйду. Вокзал тут рядом. Первая электричка в два ночи. Не могу больше терпеть. Только вот гляну на него одним глазком на прощанье». Катя накинула халат и тихо прошла в комнату.

Слушая ровное дыхание, Катя присела рядом и долго глядела в полумраке на лицо любимого. Неожиданно Колины ресницы дрогнули, и он, сонно приподнявшись, уронил руку на её колени. Застыв, растерянная, оцепеневшая, Катя сле-

дила за этими движениями, молча глядя его жёсткие волосы.

– Катюша... – он прижался ближе, увлекая её на постель.

Вьюга ледяными пальцами стучала в окно, уличный фонарь, скрипя, моргал тревожным мерцанием. Под эту музыку ночи душа «таёжной царевны» вырывалась из груди и возвращалась вновь. Катя, привыкшая видеть совокупление животных, лишь телесное, порой грубое, впервые встретилась с человеческой страстью. И с восторгом поняла наслаждение близости тела любимого мужчины.

Колёса электрички глухо стучали по замёрзшим рельсам. Катя через подёрнутое инеем окно вглядывалась в проплывающие пейзажи. Она, упиваясь сладким страданием, видела в морозных искрах весь минувший день: утреннее пробуждение рядом с любимым; его смятение, бесконечные извинения и терзания укорами совести, когда он, пряча глаза, скомкал испачканную простыню; их прощание на вокзале, оборванное торопливым поцелуем и робким объяснением.

– Прости, Катенька. Не знаю, что на меня нашло. Как не в себе был.

И её ответное:

– Не кори себя, Коля! Я тебя с первой минуты как увидела, полюбила. Вины твоей тут нет, и тайна эта только наша. Никто не узнает.

Заколдованная бешень-травой ночь, жаркая, липкая, стонущая, теперь постоянно жила с Катей. И вместе с той ночью к ней пришло что-то новое. Чувство притупленного стыда

и азарта, как у карманной воровки, впервые заполучившей чужое и желанное. И ещё – всезатмевающая любовь, от которой она уже не страдала, а наслаждалась как чем-то своим, естественным. Так любят отражением в зеркале повзрослевшие девочки, тайно радуясь своему превращению и восхищаясь мягкой выпуклостью линий тела, ранее плоского и угловатого.

Перемены

Будни на ферме шли своим чередом. Степанида хлопотала по хозяйству, стараясь ухватить короткое сибирское лето за горячий солнечный бок и прислонить к нему овощные грядки. С утра, насыпав зерна радостным глупым курам, баба Стёпа бежала в огород. Маленькая, круглая, она всё успевала, бурно радуясь приезду внучек. Катя со Светой бывали на ферме каждые выходные, помогали бабушке и наслаждались её стряпнёй. Света, окончив курсы, работала в элитном баре. Общительная и весёлая, она быстро обзавелась нужными связями и частенько радовала близких гастрономически деликатесами: французскими сырами, десертами, заморскими фруктами – редкими в сибирской глубинке.

– Ты, Катька, поправилась на бабкиных-то разносолах. Я тебе, пожалуй, свои юбки отдам, – засмеялась Светка, глядя на налившуюся грудь и раздавшиеся бёдра сестры.

– А я вижу – с лица что-то сошла, вид замученный, – заметила Вера, Светкина мать. – Выпускные экзамены на днях. Не заболела ли?

В Усолье Света снимала комнату в частном доме. Простая обстановка: кровать, сервант, да стол со стульями. Стены украшены фотокопиями шедевров по мифическим сюжетам. Венеры и Дианы, празднично белевшие наготой, манящими формами напоминали саму Светку, хозяйку картин.

Лучистое утро пахло смолой елей и цветами шиповника. Света радостно встретила сестру на пороге и провела её на кухню завтракать. На столе, покрытым цветной скатертью, фарфорово блестели блюда, щедро наполненные гладкими ломтиками сёмги, копчёным мясом и сервелатом. Молодая картошка, блестя тонкой кожурой, ароматно дымилась разомлевшим укропом.

– Я поговорить пришла, – Катин голос срывался. Она взглянула на гастрономическое изобилие стола, и в горле у неё запершило от лёгкой тошноты – Не знаю, как и сказать. Беременная я.

Встряхнув русыми кудрями, Светка в недоумении уставилась на сестру, затараторив:

– Ты? Как? От кого? Что ж молчала до сих пор?! Неужто солдатик.., что с тобой заигрывал? Когда ж вы успели?

Катя вздохнув, опустила голову, словно прячась от града вопросов. Подняв влажные глаза, прошептала:

– На каникулах. В Иркутске.

Светка вскочила, сдавленно бросив:

– Неужели с Колей! – уловив согласие в печальных глазах сестры, запричитала: – Стыд-то какой! Он ведь Нелин муж и нам родня! Как это тебя угораздило?! На каких каникулах-то? Ты ведь туда и зимой, и весной ездила.

Катя молчала, с болью вспомнив встречу с Колей весной, когда он, сжав её руку и виновато глядя в глаза, твёрдо сказал: «Не приезжала бы ты лучше, Катя! Жена у меня. Забыть

это надо».

– Да сколько месяцев у тебя? – не унималась сестра, что-то прикидывая, утыкаясь взглядом в свою широкую ладонь и загибая пальцы.

– Не знаю.

– Думаю, с зимних не может быть: видно бы было... Вот дура! Так вот без матери расти, да и без отца тоже, – выпала Светка. – Дядя Гриша как женился во Владивостоке, так раз в год только открытки посылает. Папка называется! И я не углядела!

Она то вскакивала, то шумно плюхалась на скрипучую табуретку и начинала есть остывшую картошку. Катя молча сидела за накрытым столом, и яркие цветы на скатерти растеклись сквозь слёзы в её глазах по белизне тарелок.

– Ну вот что, – по-деловому скомандовала Светка, найдя в тумбочке записную книжку, – пойдёшь по этому адресу. Акушерка Валя. Она бабам уколы делает. Сразу выкидыш получается. У тебя только этот выход.

– Спасибо, Свет! – уныло промямлила Катя.

– Да вот возьми, ей отдашь, – Светка протянула завернутую в мешок шкурку соболя. – Тогда уж точно не откажет и дознаваться не будет.

Катя вернулась через час, бледная, подавленная, и молча легла на Светкину кровать в обречённом ожидании. Света, вернувшись из кухни со стаканом чая, застала сестру, корчась от боли.

– Все внутри разрывается, позвоночник выламывает. Валя говорила, все быстро должно быть. Не могу больше терпеть! Не могу-у-у! – стонала Катька.

– Тихо ты! Соседи услышат.

Светка сунула ей в рот пояс от платья и, утешая, начала гладить сестре руки. Вдруг Катя, мгновенно раскинув ноги, с усилием выдавила кровавый сгусток, который, пошевелившись, неожиданно издал тонкий звук.

От испуга и удивления Светка сама завопила: «Господи! Царица небесная! Ребёнок! Да у тебя, однако, седьмой месяц был. Что ж ты молчала, окаянная? Мы чуть душу живую не сгубили. Ребёночек-то махонький и пищит!»

Посылая все мыслимые ругательства в Катькин адрес, она опрометью бросилась к серванту и, облив ножницы водкой, перерезала пуповину.

Ариадна

– Матушка! Голубушка! Анна Андревна! Спасите девочку! Это я виновата. У сестры роды были преждевременные. Моя вина! – рыдала Света перед заведующей родильного отделения. – Всё, что хотите: деньги, лекарства. В соболях ходить будете. Спасите!

Анна Андреевна, повидавшая многочисленные смерти и удивительные воскрешения, сухо бросала команды суетившейся вокруг малютки медсестре.

– Успокойся, Света! Иди умойся, в крови ты вся. А ребёнок... вряд ли выживет: мала очень. И двух кило нет. Но бывают случаи... Что можно, сделаем.

Катя несколько дней пролежала в больнице, слушая рыдания и упрёки сестры. Тупо глядя на облупившуюся стену палаты, Катя беспомощно уплывала по ручейкам слёз подалее от казнивших её укоров совести. От больничных резких запахов горчило во рту, набухшая грудь сочилась молозивом, закрывая глаза Катя видела крошечное сморщенное тельце её девочки, их с Колей дочки...

После выписки сестры из больницы, Света решила отправить её к бабе Стёпе на ферму. Чтобы Степанида не испугалась, увидев опухшую, бледную Катю, Светка сразу зачастила:

– Ба, ты с расспросами не лезь. Болела она; уже лучше.

Врач сказал инфекция. Отлежится тут пару недель. Продукты вот... Икра чёрная, ешьте. Она силу даёт.

Степанида вздрогнула, захохала, не понимая, бежать ли за бутылку со святою водой, за молоком или за целебными корнями. Она распахнула пошире окна, оттуда на Катю хлынула живительная сила тайги, смолистой, пенящейся травами, звенящей кузнечиками и пчёлами.

Поправлялась Катя медленно. Ночами, слушая уханье филинов, она видела себя на ведьминском шабаше наказанной за колдовство, лишённой зачатого во грехе ребёнка, униженной и осмеянной. Слыша, как баба Стёпа молится на ночь: «Прости нам грехи, вольные и невольные...», Катя вся в слезах шептала: «Прости!»

Утро живыми красками догорающего лета закрашивало ночные кошмары. И тоска пятилась, скрываясь до следующих сумерек, притуплялось и отчаяние от неразделённой, ворованной любви.

Светка передавала через водителя автобуса письма, обычно пару скупых строк: «Новостей нет. Хожу в больницу каждый день, но к девочке не пускают. Напишу».

Через месяц Катя вернулась в Усолье и устроилась на почту телеграфисткой. Поступать в институт она решила на следующий год. Теперь неразлучные сёстры жили вместе в Светкиной комнате. Малышку по-прежнему держали в больнице, и Света «обхаживала» весь штат нянечек и врачей детского отделения подарками, надеясь на особое отношение.

Катя, холодея от мысли о плохих новостях, боялась даже зайти в больницу и спросить про дочку. Каждый вечер она с надеждой заглядывала в глаза сестры.

И вскоре Света вернулась домой сияющая:

– Завтра ляльку забираем. Выжила твоя дочка! Она уже почти четыре кило. Здоровенькая!

У Кати пересох рот и подкосились ноги. Два месяца, каждый день и час, она думала про дочку, ненавидя себя за слабость.

На следующий день сёстры, наклонив русые головы и затаив дыхание, разглядывали малютку. Катя, увидев своё дитя, вначале онемела, а потом горячо запричитала:

– Доченька, прости меня! Я буду всегда с тобой, милая! Кровиночка моя! Мне тебя растить надо.

– А как же институт? – шепнула Светка.

– Теперь уж в институт торопиться не к чему, лучше на заочное.

– Смотри, она не в нашу породу: реснички и глазки чёрные, бровки как нарисованные – вся в Кольку. Я ей имя дала – право на это имею – назвала её Ариадна в честь той, которую Зевс бессмертием наградил. Раз выжила девочка – пусть носит это имя! – заключила Света. – Конечно, тебе решать, я... вот что подумала. Может её на ферму отвезти?

– Тогда и я с ней.

– Ты погоди... Завтра мы вместе с тобой поедем. А потом... На ферме-то баба Стёпа девочку на козьем молоке вы-

растит, как нас когда-то. А ты на выходные приезжать будешь. У меня среди недели выходные, так и дежурство устроим.

– А что скажем? Откуда она взялась? – пролепетала Катя.

– Про Колю, конечно, молчать надо. Наша она! Твоя и моя! А откуда взялась – да откуда и все дети берутся, – хихикнула неунывающая Светка.

Резвая молва живо облетела ближайшие дома. Деревенские кумушки пару недель судачили, перемалывая новость о таинственном появлении на ферме малышки, но так и не вывели, кто же её мать. Диковинное имя «Ариадна» не прижилось среди местных. Девочку стали звать Ариной. Подрастая, она привыкла называть мамой обеих сестёр: мама Катя и мама Света.

Одноклассница

– Да-а, Танюш, я тебя помню. Только не Катя я давно и не Семёнова, – сжимая мои руки, тихо сказала женщина. – Но это сейчас не важно. Я ждала тебя, Танюха. Ну-у..., не совсем тебя, а кого-то, с кем поговорить можно. Видно, пора пришла высказаться.

Она порывисто приблизилась, и мы обнялись, мягко коснувшись плечами. От шелковых волос одноклассницы веяло модным ароматом. Воздушный шарф сполз с её шеи, обнажив тонкий шрам, светлой полосой упирающийся в подбородок.

– Вот встреча-то! Просто не верится! Как в кино – приговаривала Катя. – Давай это отметим. Да и поговорим.

Я кивнула на её шрам:

– А это что? Несчастный случай?

– Да, Таня, очень несчастный. Воевала я. В Чечне воевала.

– Каким же ветром тебя туда занесло? В Чечню? Из Сибири-то?

– Каким ветром? Да тем, что, как судьба, по миру нас носит. Тем самым ветром.

Побег

Короткие годы материнства стали для Кати чередой наполненных восторгом дней. Она теперь работала в две смены три дня в неделю, а четыре проводила на ферме с Ариной и Степанидой. Света же приезжала туда в Катины рабочие дни.

– Да пусти дитя, задушишь! Не кукла ведь... – шумела Степанида, вырывая маленькую Арину из материнских объятий. – И Светка, та вот тож така, приезжает с мешком тряпок и наряжает Аринку, а потом давай тискать. Не оторвать!

Зимой для малышки сёстры лепили снеговиков и наряжали ёлку, летом плели венки из таёжных цветов. Девочку баловали, нежили, обожали. В четыре года Арина знала цифры и умела читать по слогам, а Катя со Светой умилялись, любовались и восхищались.

Катя давно не видела Колю. Через год после рождения дочки, она поступила в Иркутский политех, но даже во время сессии не навещала родственников. Она до сих пор любила Колю, но не страдала, а скорее тихо грустила, любуясь чёрными ресницами Арины и её открытым взглядом. Ведь дочка, улыбаясь, приподнимала брови также, как её отец. Она была удивительно на него похожа.

В тот угрюмый осенний день облака, обещавшие первый снег, нависли над сибирским городком свинцовым одеялом.

Светка, запыхавшись, влетела в небольшое помещение почты.

– Кать, ты когда заканчиваешь? Дело есть.

– Что ты орёшь-то так? Заведующая ещё не ушла!

Сестра приглушённо затараторила:

– Слушай, тут возможность заработать подвернулась. Михалыч, директор наш, говорит, что начальство из Иркутска приезжает. Двое их. На охоту и в баню после. Так вот, надо им стол накрыть. Всё уже приготовлено, только подать да убрать потом. Они хорошо платят. Вот задаток дали, – Светка потрясла увесистой пачкой рублей. – Михалыч говорит, что не управиться мне одной. Советовал взять подругу. Да я лучше тебя возьму – деньги-то не лишние!

В бревенчатой охотничьей сторожке за роскошно накрытым столом гости в компании егеря Павла с азартом обсуждали подробности охоты. Говорили они развязно и громко, то и дело подливая друг другу водку. Зычный мат мешался со звоном посуды, стуком грубо брошенных вилок и хриплым гоготаньем. С сёстрами чужаки обращались бесцеремонно, приказывая по-барски: «Дай! Подай! Убери!»

От распаренных в бане тел стоял терпкий дух мыла, пота и влажной берёзы, порой он мешался с резким запахом чесночной приправы для шашлыков и с ванильным ароматом сдобы.

– Не нравятся мне они. Мерзкие, и не начальство, а какие-то, похоже, бандюги, – прошептала Катька.

– Да ладно тебе! Скоро напьются да и уедут, а платят так, как ты на своей почте за месяц не заработаешь! – хмыкнула Светка.

Один из приезжих – грузный, с распаренным красным лицом – поманил Светку пальцем: «Тарелку бы надо сменить, хозяйка!» Катя вздрогнула, обернувшись на грубый хохот. Краснолицый, усадив на колени подошедшую с тарелкой Свету, огромными руками тискал её ноги, задирая юбку. Второй из гостей – коренастый, коротко стриженный – решительно встав, с влажной улыбкой направился к Кате.

– Засиделись мы. Пора бы размяться, девки!

– Пусти! Не было такого уговора! – вырывалась Светка.

– Да что вы из себя целок корчите?! – прохрипел коренастый. – Тут мне донесли, одна из вас дитя нагуляла от солдата, что ли. А мы чё, хуже?!

Он медленно вытащил из брюк ремень. Намотав его на руку, процедил, кривя губы в садистской улыбке:

– Как ублюдков рожать – они горазды, а как почётных людей уважить...

– Вы, мужики, полегче! Зачем девок обижать? – вступился егерь.

– А ты молчи, холуй! Пошёл вон! Иди лошадей посмотри! – грубо оборвал его краснолицый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.